

*А. Форрест
Университет Йорка
(Великобритания)*

ПЕРЕЖИТЬ ЭПИДЕМИЮ: ОПЫТ ВЕЛИКОЙ МАРСЕЛЬСКОЙ ЧУМЫ 1720 ГОДА

Бубонная чума, эпидемия которой охватила французский порт Марсель в 1720 г., была последней, посетившей Западную Европу, и именно поэтому она прочно закрепилась в народной памяти. Чума прибыла в Марсель, как это часто бывало в прошлом, с моря, на борту грузового судна, пришедшего из Леванта, и стала сеять смерть и опустошение как в самом городе, так и в прилегающих к нему местностях. Она убила почти половину населения Марселя, прервала морскую торговлю и вызвала демографическую катастрофу, которая длилась пятьдесят лет. Страх и паранойя охватили город, вселив в его жителей ощущение, что никто из них не в безопасности, что любой – богатый и бедный, дворянин и бродяга – подвержен риску заразиться. Последствия эпидемии и реакция на нее общественности знакомы любому, кому довелось пережить пандемию. Весьма показательны, сколь мало они изменились за столетия: больницы были переполнены, снабжение оказалось под угрозой, граждане начали избегать своих соседей и вообще контактов с людьми; все, у кого была такая возможность, бежали из города в поисках безопасного места. Гражданские власти могли противопоставить эпидемии только проверенные временем средства защиты – карантин, самоизоляция, сожжение зараженных товаров и имущества. Им пришлось столкнуться с вечной проблемой, которую нам приходится решать и сегодня: должны ли они пожертвовать жизнями, чтобы защитить бизнес и обеспечение средств к существованию, или рискнуть увидеть свою экономику разрушенной?

Ключевые слова: история, Франция, Марсель, эпидемия 1720 г., чума
Цитирование: Форрест А. Пережить эпидемию: опыт Великой марсельской чумы 1720 года. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-43-62 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 43-62.

Поступила в редакцию: 23.02.2021

Принята к печати: 08.03.2021

Alan Forrest
University of York, UK

SURVIVE THE EPIDEMIC: THE EXPERIENCE OF THE GREAT MARSEILLE PLAGUE OF 1720

The visitation of bubonic plague that struck the French Mediterranean port of Marseille in 1720 was the last to afflict western Europe, and it is as such that it has lived on in popular memory. Plague arrived in Marseille, as so often in the past, from the sea, aboard a cargo vessel arriving in the roads from the Levant, and it spread death and devastation both in the city itself and in the towns and villages of its hinterland. It killed nearly half the population, brought maritime commerce to a standstill, and led to a demographic catastrophe that would last for fifty years. Fear and paranoia swept the city, and with it the sense that no one was safe, that anyone, rich and poor, nobleman and vagrant, risked being infected. The consequences and the reactions of the public are familiar to anyone who has lived through a pandemic, and it is instructive how little they have changed over the centuries: hospitals were overwhelmed, provisioning was threatened, the citizenry shunned their neighbours and avoided human contact, and those who could do so fled the city to seek safety elsewhere. The civic authorities had only time-honoured remedies to which to turn: quarantine, exclusion, fire, and the physical destruction of goods and property. And they faced the eternal quandary that still haunts us today: should they sacrifice lives to protect businesses and livelihoods, or risk seeing the commercial future of their city destroyed?

Keywords: history, France, Marseille, epidemic of 1720, plague

Citation: Forrest, A. (2021). Perezhit' épidemii: opyt Velikoi marsel'skoi chumy 1720 goda. [Survive the epidemic: the experience of the Great Marseille Plague of 1720]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-43-62. *Annual of French Studies* 2021, vol. 54, p. 43-62.

Чума и другие пандемии

Если посещение Марселя бубонной чумой в 1720 г. осталось в народной памяти, то отнюдь не в силу ее особой смертоносности и не по причине уникальности этой эпидемии в истории города – в XVII столетии, а именно в 1630 и 1649 гг., в Марселе также произошли две крупных вспышки чумы. Марселю, оживлённому средиземноморскому порту, торговавшему с Северной Африкой и Левантом, угрожали самые разнообразные эпидемии со всех концов торгового

мира, а потому он был готов к суровым испытаниям и умел справляться со смертельными и неожиданными опасностями. Со времён Юлия Цезаря чума приходила в город не менее восемнадцати раз¹.

Торговля и путешествия нередко становились источником болезней во Франции Раннего нового времени, а затем способствовали их распространению во многие другие регионы Центральной и Западной Европы. Не меньшую роль в распространении эпидемий играло и передвижение армий, принимавших участие в многочисленных европейских войнах, с Тридцатилетней войны и до XX в.: последней массовой болезнью стала чудовищная пандемия испанки, последовавшая за демобилизацией огромного числа военнослужащих в 1918 г. В Париже эпидемии также случались регулярно: уже Чёрная смерть, пришедшая в середине XIV в., стоила жизни каждому третьему жителю города. Эпидемия в Бургундии, произошедшая ближе к нашему времени, началась в 1629 г. и тянулась долгие девять лет, сократив население Бургундии на две трети.

Однако марсельская чума, о которой здесь пойдет речь, вызвала общеевропейскую панику: бедствие, которое, казалось, уже ушло в прошлое, вернулось вновь, причем с разрушительными последствиями. Эпидемия началась в 1720 г. и длилась два года, сократив за это время население Марселя вдвое: ее жертвами стали примерно 50 тыс. человек в самом городе и еще 50 тыс. в Провансе, графстве Венессен и окрестных городах и провинциях. Она привела к демографическому кризису, от которого Марсель оправился только в 1760-е гг. Это было пугающее напоминание XVIII веку, мнившему себя рациональным, современным и цивилизованным, что материальный прогресс весьма хрупок, что великие города уязвимы перед катастрофами, что мужчины и женщины, с энтузиазмом принявшие образ жизни модерна, по-прежнему находятся во власти сил, которые они не способны контролировать. Разговоры о чуме пробудили дремлющую культурную память о Чёрной смерти и первобытные инстинкты выживания; возродилась традиционная «чумная» психология, повсюду распространилась паранойя, в чем немалую роль сыграло распространение зловещих брошюр о чуме, описывавших ее предполагаемые последствия – общественные и медицинские².

¹ *Carrière Ch., Coudurié M., Rebuffat F.* Marseille, ville morte. La peste de 1720. Marseille, 1968. P. 9-15.

² *Cohn Jr. S.K.* Cultures of Plague. Medieval Thinking at the End of the Renaissance. N.Y., 2010. P. 272.

Марсельская эпидемия стала последней крупной вспышкой бубонной чумы в Западной Европе, и обычно ее вспоминают именно в этом качестве. Но в остальном мире чума отнюдь не исчезла, и в последующие годы экономический прогресс способствовал ее распространению. К примеру, вторая половина XVIII в. была отмечена ростом торговли и быстрой урбанизацией в Юньнани, отдаленной области Юго-Западного Китая, что привело к масштабному перемещению и рассеиванию ее населения, создав идеальные условия для желтогрудой крысы – носительницы чумной бациллы. На протяжении многих десятилетий население здесь страдало от частых вспышек неизвестных эпидемий, вплоть до масштабной вспышки бубонной чумы, произошедшей в Юньнани в 1855 г.³ Отсюда она двинулась по оловянному и опиумному торговым путям, достигнув Куньмина, столицы провинции, в 1866 г., Тонкинского залива в 1867 г. и порта Пахой (ныне Бэйхай) в 1882 г. К 1894 г. чума добралась до Кантона, а затем охватила Гонконг; в 1896 г. заражённые крысы, путешествовавшие на новейших пароходах по главным путям международной торговли, принесли её в Бомбей, что привело к инфекционному взрыву, который Всемирная организация здравоохранения считает Третьей великой пандемией чумы, относя первые две великих пандемии к VI и XIV столетиям⁴. В Китае и Индии смертность от пандемии составила более 10 млн человек, а в начале XX в. вспышки чумы наблюдались в портовых городах по всему миру, в том числе в Сиднее, Гонолулу, Сан-Франциско, Веракрусе, Лиме, Асунсьоне, Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро, Александрии, Кейптауне, Порту и Глазго⁵.

Бедствия многих затронутых эпидемией групп населения отнюдь не ограничивались самой чумой. Во многих местных общинах страх перед заражением был столь велик, что чиновники от здравоохранения распорядились об уничтожении имущества заразившихся чумой, в том числе их домов и домов соседей. Порой это приводило к масштабным катастрофам. В Гонолулу, куда чума пришла в 1900 г. по морю, власти приказали пожарной службе сжечь дома всех умерших от чумы. В большинстве случаев речь шла о переполненных лачугах в китайском квартале города. Однако

³ *Benedict C.* Bubonic Plague in Nineteenth-century China. Stanford, CA., 1996. P. 47, 49-71.

⁴ *Frith J.* The History of Plague – Part 1. The Three Great Pandemics // *Journal of Military and Veterans' Health.* 2021. № 20:2. P. 1-16.

⁵ *Echenberg M.* Pestis Redux: The Initial Years of the Third Bubonic Plague Pandemic, 1894-1901 // 2002. № 13:2. P. 432.

пожар вышел из-под контроля, уничтожив одну пятую Гонолулу – китайские дома, японские предприятия, торговые склады – и оставив после себя полное запустение. По словам историка Джеймса Мора, «тысячи людей провели много месяцев в страхе заразиться бубонной чумой, на протяжении недель задавались вопросом, потеряют ли они всё имущество, которое заработали столь тяжким трудом, пережили ужасающий день, когда их жилые кварталы сгорели, и были вынуждены смириться с заключением во временных лагерях»⁶. Даже в Америке XX в. люди по-прежнему ощущали себя бессильными перед лицом чумы.

Бессилие

Именно чувство бессилия объясняет панику, охватившую жителей Марселя по мере того, как распространялись вести о эпидемии, а их друзья и члены семьи заражались и умирали. От бубонной чумы не было лекарства, никакое лечение не могло помочь жертвам. Лишь в 1894 г. Александр Йерсен, находясь в Гонконге, выявит и опишет и чумную бациллу, и лишь в 1897 г. Жан-Поль Симон установит, что бациллу переносят от крыс к людям блохи⁷. Только тогда стало возможным разработать эффективную вакцину; до тех пор заражение чумой всегда грозило смертью. Люди, не имея возможности себя спасти, поддавались страху, отчаянию и панике. Впрочем, важно отметить, что бубонная чума была не единственным бедствием в своем роде. На протяжении последующих десятилетий и столетий Европа и Франция продолжали страдать от других пандемий. Эти болезни уничтожали огромное число людей, а способы их лечения были неизвестны. В их число входили туберкулез, малярия, оспа, холера и грипп. Даже в наши дни полностью побеждена лишь оспа, и появляются новые пандемии особенно, как представляется, в тех случаях, когда люди находят новые разрушительные способы взаимодействия с природным миром.

Хотя после 1720 г. бубонная чума больше не приходила во Францию, продолжали бушевать другие пандемии, и последствия их нередко бывали роковыми. От холеры европейцы продолжали массово умирать на протяжении большей части XIX столетия. В 1832 и 1849 гг. парижане пережили две опустошительных

⁶ *Mohr J.C.*, *Plague and Fire: Battling Black Death and the 1900 Burning of Honolulu's Chinatown*. N.Y., 2005. P. 203.

⁷ *Butler T.* *Plague history: Yersin's discovery of the causative bacterium in 1894 enabled, in the subsequent century, scientific progress in understanding the disease and the development of treatments and vaccines // Clinical Microbiology and Infection*. 2014. № 20. P. 202-209.

вспышки азиатской холеры⁸. Эпидемия холеры в России в 1852–1860 гг. повлекла за собой более миллиона смертей, и примерно столько же умерло в результате глобальной пандемии гриппа в 1889–1890 гг., когда грипп в Англии 1890-х гг. превратился «из научного курьеза, имевшего определенные медицинские и социальные последствия, в феномен средств массовой информации, в вызывающую ужас сенсацию»⁹. Пандемии, случавшиеся по всему миру, уносили миллионы жизней и в двадцатом столетии. В 1918 г. в России тиф унес от двух до трех миллионов человек; азиатский грипп – два миллиона человек в 1950-е гг.; гонконгский грипп в конце 1960-х – еще миллион; были и другие, менее масштабные вспышки. Впрочем, все эти потери бледнеют на фоне последствий возвращения солдат с Первой мировой войны: эпидемия испанки, охватившая Европу и Америку, унесла в период с 1918 по 1920 гг. от 50 до 100 млн жизней. Население не всегда ясно понимало причины этих пандемий, что вызывало еще большую панику. Если неясно, откуда пришла болезнь и чем она вызвана, как от нее защититься? Если внешних проявлений болезни нет, как узнать, кто от нее пострадал? Кроме того, если болезнь заразна, то к кому подходить безопасно? Можно ли кому-либо доверять, даже в ближайшем семейном и дружеском кругу? Когда чума приходила, она не делала различия между бедными и богатыми, между представителями разных классов и сословий; она наводила страх на всех, и могла привести к всеобщей розни в обществе.

На протяжении XIX в. Марсель переносил одну эпидемию холеры за другой, и каждый раз марсельское общество было уверено, что зараза пришла с моря, извне. Холера была очень частым гостем. Она вспыхнула в Провансе в 1832 г. и достигла Марселя в 1834 г.; за две вспышки в 1835 году из 7073 заболевших умер 3441 человек, таким образом, смертность составила 48,6%. Новая вспышка произошла в 1849 году: погибло 2252 человека; ещё 3397 человек умерли в 1854–1855 гг. Еще одна эпидемия произошла в Марселе в 1865 г.: по всей видимости, она пришла из Александрии, и ее жертвами стали 2037 человек. Наконец, еще две вспышки были зафиксированы в июне-октябре 1884 г. и в июле-декабре 1885 г., вызвав в совокупности 3052 смертей после бегства людей

⁸ Barnes D.S. *The Making of a Social Disease: Tuberculosis in Nineteenth-century France*. Berkeley, 1995. P. 24.

⁹ Honigsbaum M. *A History of the Great Influenza Pandemics. Death, Panic and Hysteria, 1830-1920*. L., 2013. P. 233.

из Тулона, где холера была диагностирована в предыдущем июне. Эти вспышки холеры были пугающе частыми, а цифры смертности устрашающе высокими. Они служили необходимым напоминанием об угрозе инфекционных заболеваний для города. Но нанесенный ими ущерб был совершенно несравним с тем уровнем смертности и бедствий, к которым привела бубонная чума 1720 г.¹⁰

Страх

Страх, паника и паранойя сопровождали любую вспышку чумы: страх перед неизвестным, ожидание боли и страдания. Исторiku сложно представить или реконструировать эти чувства, это ощущение, что безопасного убежища не существует, что любой человек, по-видимому, совершенно произвольно, может стать следующей жертвой; в повседневной жизни подобное явление, кажется, полностью исчезло из современного воображаемого. Эта неопределенность играла важнейшую роль в распространении паники, особенно среди широких масс населения городов. Один доктор, описывавший свой опыт работы с жертвами холеры в Париже в 1832 г., отметил: «Всё, связанное с этой болезнью, было странным и переменчивым. Один квартал, одна улица, одна сторона улицы, тот или иной дом были разорены ею; другие были пощажены, и не было удовлетворительной причины для этого грустного предпочтения»¹¹. Однако же эти чувства не принадлежат исключительно отдаленному прошлому; они могут вернуться в любой момент, и благодаря глобализации распространиться гораздо дальше и быстрее – мир понял это, столкнувшись со стремительным распространением ВИЧ/СПИД: начавшись в 1980-е годы, эта пандемия достигла своего апогея в 2004–2005 гг., но и сейчас по-прежнему вызывает миллион смертей в год, многие из которых приходится на Африку к югу от пустыни Сахары¹². И СПИД – не единственная новая болезнь, оказавшая в последние годы воздействие на человечество. В 2002 г. в Китае появилась атипичная пневмония, или тяжелый острый респираторный синдром, убившая более 700 человек в Северной и Южной Америке, Европе и Азии. Вирус Эбола был впервые выявлен в 1976 г., но на первых порах ограничивался небольшими вспышками в центральной Африке; однако в 2014 г. он

¹⁰ *Aubert M.* La médecine à Marseille au XIXe siècle // *Provence Historique* 43. 1993. Fascicule 172.

¹¹ *Kudlick C.J.* Cholera in Post-Revolutionary Paris. Berkeley, 1996. P. 1.

¹² *Roser M., Ritchie H.* HIV / AIDS/ Электронный ресурс. URL: <https://ourworldindata.org/hiv-aids>.

вызвал масштабную эпидемию в Западной Африке, а оттуда распространился по всему миру¹³. Ни один из этих вирусов не имел известного медицинского лечения.

Конечно, мы все в некоторой степени можем понять страх, который вызывает пандемия, потому что мы переживаем ее в настоящее время и только сейчас начинаем понимать ее сущность, не смотря на все достижения современной медицины и средств связи. Возможно, самым западающим в память образом нынешней пандемии стал старик, который шел по тротуару в Ухани и упал замертво – и люди, которые шли мимо, смотрели на него с ужасом, и никак ему не помогали, потому что им было слишком страшно приблизиться к телу или прийти на помощь. После того, как тело осмотрели врачи в спецодежде, его упаковали в медицинский мешок и отнесли в фургон. Затем улица была тщательно продезинфицирована, и лишь после этого открыта для движения¹⁴. Этот образ передает размах охватившей население паники. Люди стали реагировать так же, как они делали во время любой средневековой чумы – бежать из городов, не пускать чужаков в свои деревни, избегать контактов с другими людьми, избегать больниц, даже страдая от болезней, поддающихся лечению. Жители Нью-Йорка и Лондона, Москвы и Парижа, стали массово покидать их, если только могли найти пристанище в деревне или какое-нибудь другое жилье. И хотя во многих случаях друзья и соседи оказывали друг другу помощь, пандемия вновь пробудила предрассудки, не раз просыпавшиеся во время средневековых эпидемий: от враждебности к тем, кто считался ответственным за распространение болезни (евреям в средневековой Европе, уроженцам Юго-Восточной Азии в наши дни) до недоверия к чужакам вообще, проявляющегося по мере того, как общины закрывались от окружающего мира. Наше отношение к смерти, возможно, изменилось за прошедшие века; но никуда не делся наш страх перед смертью, мучительной и одинокой. В самом деле, есть смысл задаться вопросом, сильно ли отличается наша прошлогодняя реакция на коронавирус от реакций прежних поколений на куда более смертоносные вспышки бубонной чумы. Являемся ли мы в каком-либо смысле более «рациональными», менее склонными к предрассудкам, чем наши предки в прошлые века?

¹³ What can History tell us about epidemics? // History Today. 2020. N 70:4.

¹⁴ The Sun. 2020. 24 January.

Эпидемия 1720 г. позволяет нам провести сравнение и отметить как общее, так и различное в реакциях европейцев на чуму. Наиболее существенным, вероятно, стал переход большинства западноевропейских стран от христианства к материализму и отказ от религиозной веры, лежавшей в основе народных реакций на эпидемию в прошлые века. Как недавно отметил Этьен Франсуа, главным предметом забот была не смерть, как в наше время, а смертность. Люди видели в чуме Божье наказание, ниспосланное за грехи людей, и их главной заботой, кроме изоляции зараженных, было молиться за души умирающих, помогая им тем самым избежать вечного проклятия и адского огня. «Какой бы ужасной ни была смерть, они верили, что она не окончательна – ведь ее победил Христос, принеся себя в жертву, и спасение зависит от Бога»¹⁵. Напротив, в сегодняшнем, более материалистическом мире, а в большой степени уже и в XVIII столетии, смерть означает конец жизни, а спасение надлежит искать в медицине и богатстве. Эти изменения происходили медленно. В эпоху Реформации, увидев, что чума пришла в его родной Виттенберг, Мартин Лютер счел это Божьей карой за грехи, но исходил из того, что чуму следует принять, потому что все люди – грешники, и заслужить спасение невозможно. Такова была Божья воля, так проявлялся Его гнев, и люди должны были смириться. Пастыри обязаны были оставаться в городе, потому что, заявлял Лютер, «когда люди умирают, они особенно нуждаются в священниках, укрепляющих и успокаивающих их словом и таинством, и верой побеждающих смерть»¹⁶. В Марселе тоже было немало людей, первым инстинктом которых в эту эпоху отчаяния было вновь обратиться к Церкви, но город готовился защищаться и другими способами. Предыдущие вспышки чумы со всей ясностью показали преимущества лазаретов – больниц, в которых можно было изолировать зараженных – а медицинские учреждения Марселя почти не знали себе равных в Средиземноморье.

Угроза с моря

Как и большинство чумных вспышек, эпидемия 1720 г. пришла извне: ее во Францию привезло грузовое судно, возвращавшееся из Мраморного моря. 25 мая «Гран Сент-Антуан» бросил якорь в порту Марселя с грузом хлопка, тонких шелков и других восточных товаров. Путь этого корабля был отмечен зловещими событиями

¹⁵ François É. La mortalité ou la mort ? // Covid 19. Tour du monde. P., 2021. P. 88-89.

¹⁶ Roper L. When plague came to Wittenberg // London Review of Books. 2020. 6 July.

ями, предвещавшими будущую трагедию. До возвращения в Марсель «Гран Сент-Антуан» в течение года совершил круг по Средиземному морю, собирая товары для большой ярмарки, каждый год проходившей в Бокере. Были серьезные основания подозревать, что на борту корабля чума. В конце августа 1719 г. он прибыл в Смирну (сегодняшний Измир), а затем отправился в ливанский Сидон, куда пришел между октябрём и декабрём 1719 г. Среди историков нет полного согласия относительно маршрута, выбранного капитаном, но принято считать, что 31 января 1720 г. корабль покинул Сидон, после чего отправился на ремонт в сирийский Триполи, а в начале апреля пошёл на Кипр. Во время остановки в Триполи корабль принял на борт пятнадцать пассажиров. После нескольких дней в море один из них заболел и умер. Его тело поспешно выбросили в море еще до остановки на Кипре. 18 апреля 1720 г. «Гран Сент-Антуан» покинул Кипр и направился в Западное Средиземноморье. За несколько последовавших дней умерли семь матросов из экипажа, в том числе корабельный врач и два матроса, вызвавшие выбросить за борт тело больного пассажира. У нескольких из этих людей, по рассказам, даже наблюдались классические симптомы бубонной чумы, в том числе бубоны – болезненные увеличенные лимфатические узлы — на шее, в паху и в подмышках. Напуганная команда пыталась высадиться в Ливорно, но кораблю запретили входить в порт. Наконец, 25 мая «Гран Сент-Антуан» прибыл на остров Помег близ Марселя¹⁷.

Как правило, корабли, на борту которых подозревались заразные заболевания, должны были выстоять карантин – у марсельского берега находилось несколько карантинных островов. Но на этот раз правило не сработало, и «Гран Сент-Антуан» удостоился максимально благоприятного режима. Свою роль в этом сыграли алчность и коррупция. Одним из владельцев корабля, а также собственником значительной части его ценного груза был Жан-Франсуа Эстель, главный советник городской управы Марселя. Будучи заинтересован в том, чтобы товары можно было продать на ярмарке в Бокере, он добился ускоренной разгрузки корабля на городские склады. Вследствие этого обычные предосторожности не были приняты, и «Гран Сент-Антуан» смог выгрузить на марсельские склады все свои товары, в том числе и тюки ткани,

¹⁷ Gouri M. Hypothesis about the transmission of plague aboard the Grand Saint Antoine // Plague: Epidemics and Societies. Florence, 2007. P. 163-173.

заражённые блохами с чумной бациллой. Разрешение разгрузить корабль оказалось ужасающей ошибкой, но осознали это слишком поздно¹⁸. Наконец, «Гран Сент-Антуан» был отправлен в карантин у острова Жарр, а 26 сентября, через четыре месяца после появления у марсельских берегов, сожжён. В 1993 г. группа ученых во главе с Мишелем Гури провела подводное исследование в бухте Жаррон острова Жарр, и обнаружила остов злосчастного корабля. Гури опубликовал добытые им сведения в книге, рассказав о последнем судьбоносном путешествии «Гран Сент-Антуана»¹⁹.

В 1720 г., как и во время нынешней пандемии, людям было нелегко выбрать между настоящим и будущим, между спасением жизни и спасением средств к жизни. Марсель был прежде всего торговым городом, который так сильно отличался своим богатством и родом занятий от окружающих его земель Прованса, что провансальцы часто смотрели на него с недоверием, предпочитая считать исторической столицей региона Экс-ан-Прованс²⁰.

Ставшее притчей во языцех процветание Марселя было обусловлено его положением на северном берегу Средиземного моря и долгой историей торговли с Левантом, где марсельские купцы завели выгодные коммерческие связи. Но это процветание было чревато и опасностями. Чума и другие болезни угрожали всему Средиземноморью: они раз за разом приходили по одним и тем же торговым путям, ведь именно здесь заканчивался Великий шёлковый путь, именно Средиземноморье было пунктом назначения караванов с товарами, людей и верблюдов, пришедших из пустынь (где чумная бацилла не могла укорениться из-за сухого климата), и шествовавших более северным путем, пролежавшим через влажные и зачумленные земли Курдистана²¹. Такие порты как Смирна и Константинополь были ключевым звеном, связывавшим Восток и Запад, Азию и Европу, а маршрут Шелкового пути использовали не только купцы, но и военные во время своих походов, и

¹⁸ Первые рассказы о путешествии «Гран Сент-Антуана» были опубликованы уже во время чумы. См., например, анонимное повествование, опубликованное на следующий год в Кёльне на французском языке: *Relation historique de la Peste de Marseille en 1720*. Cologne, 1721.

¹⁹ *Goury M. Un homme, un navire : la peste de 1720*. Marseille, 2013.

²⁰ Это проявилось в 1790 г., во время создания новых департаментов, когда департамент Буш-дю-Рон предпочёл избрать своим центром Экс, а не Марсель. Предложение марсельцев о создании узкого прибрежного департамента потерпело абсолютное поражение. См.: *Margadani T.W. Urban Rivalries in the French Revolution*. Princeton NJ, 1992. P. 245-246.

²¹ *Panzac D. La peste à Smyrne au XVIIIe siècle // Annales : Economies, Sociétés, Civilisations*. 1973. № 28. P. 1081.

паломники, направлявшиеся в Мекку. Они тоже играли важнейшую роль в распространении инфекций. Купцы и моряки, солдаты и паломники – все они на протяжении долгой истории Марселя успели внести свой вклад в распространение смертоносных эпидемий. Городские власти не могли закрывать глаза на связанные с ними опасности.

Все данные указывают на то, что Марсель был с материальной точки зрения прекрасно готов противостоять новой вспышке чумы. Со времен Чёрной смерти XIV в. чума была частой гостьей Марселя, и городские власти вводили всё более строгий контроль над подозрительными кораблями, приближавшимися к порту. Марсель был первым портом на юге Франции, который ввел карантин для пассажиров прибывавших кораблей и устроил для них лазареты – больницы-изоляторы. К 1720 г. Марсель располагал несколькими лазаретами в различных точках вдоль морского берега; таким образом, они могли использоваться в качестве санитарного кордона, защищающего город от чумы. Самый старый из них, основанный в 1557 г., находился к юго-востоку от города; другой, расположенный в Медвежьей бухте (*Anse de l'Ours*), был построен рыбаками, чтобы изолировать прокаженных; третий, известный под названием «нового лазарета», был построен с 1663 по 1683 г. к западу от города, у Ла Жольет. Он был тщательно продуман, чтобы стать заслоном от чумы, и казалось, что приняты все возможные меры предосторожности. Это был почти что отдельный город, со своим портом, шатрами, домами и складами. Однако же чума вошла в Марсель именно отсюда. Она вошла через ворота Ла Жольет вместе с товарами, ввезенными на «Гран Сент-Антуане» и помещенными на хранение в новый лазарет. Казалось, приняты все меры предосторожности, но лазарет было недостаточно изолирован, чтобы предотвратить все контакты. Самой очевидной опасностью была его близость к городу и домам, где жили горожане: подходить к лазарету ближе, чем на 200 метров, было запрещено, но марсельцы, стремившиеся на берег моря или желавшие торговать, часто нарушали этот запрет²². За несколько десятилетий, предшествовавших вспышке 1720 г., жители Марселя успокоились и убедили себя, что чума ушла в прошлое. Тут-то она и вернулась, вновь наполнив жизнь страхом и недоверием.

²² Devaux C.A. Small oversights that led to the Great Plague of Marseille (1720–1723): Lessons from the past // *Infection, Genetics and Evolution*. 2013. № 14. P. 169-185.

Смерть и отчаяние

Очень скоро люди начали умирать. Первыми стали бродяги и нищие, а также те, кто жил ближе других к Ла Жольет, те, кто теснился в переполненных лачугах рабочих кварталов Марселя. За ними последовали портовые грузчики, которым пришлось разгружать корабль. Наконец, умирать стали все жители города, на первый взгляд, бессистемно; чума опустошала Марсель, на пике своего могущества убивая по три тысячи человек в день. Те, кто мог себе это позволить, бежали из Марселя в деревни Прованса и Лангедока, в ответ на это дороги были перекрыты. Те, кто остался, содрогались от страха, особенно сильного при виде иностранцев, людей экзотичной внешности или в непривычной одежде – купцов из Африки, проезжавших через город по пути в Бокер, моряков из Магриба или Леванта – страха перед чужаком, перед «Другим», верного спутника эпидемий на протяжении человеческой истории. Больницы и лазареты Марселя быстро оказались переполнены многочисленными больными. Среди населения распространилась ничем не сдерживаемая паника, и людей оставляли умирать в их домах. На улицах скопились кучи мертвых тел, разлагавшихся на открытом воздухе. Над городом повис запах смерти.

Местные жители часто были слишком напуганы, чтобы подойти к больному или предложить свою помощь. Доверие между людьми исчезло: каждый видел в другом носителя смерти. В скором времени Марсель стал городом-призраком: люди избегали всяческого контакта с другими, держались подальше от лавок и рынков, прятались по домам, ожидая самого худшего. Зрелище было такое же, как во время предыдущих вспышек чумы – во Флоренции в 1630 г., в Лондоне в 1665 г. или в том же Марселе во время более ранних эпидемий. Лекарства от чумы не знали, и людям оставалось только попытаться выдержать и пережить эпидемию в меру своих сил. Для всех этих эпидемий был характерен общий страх: в Раннее новое время в Европе чума ассоциировалась с бедностью²³. Смертность, как правило, была особенно высока в беднейших кварталах зараженных городов, и болезнь наносила особый урон тем, у кого имелось меньше всего ресурсов, чтобы защитить себя. Бедные всегда находились на виду, их страдания были видны всем, а бубоны и язвы на их лицах и руках вызывали

²³ Pullan B. Plague and Perceptions of the Poor in Early Modern Italy. Cambridge, 1992. P. 101-123.

страх. Как отмечает Джон Хендерсон, описывая вспышку чумы во Флоренции, их «долгая агония сильно повлияла на официальное восприятие бедных: заболев, они неизбежно теряли средства к существованию, превращаясь в нищих, запрудивших улицы и вызывающих у горожан ужас своими изуродованными лицами и телами, а также зловонным дыханием, которое, как тогда считалось, вызывало и распространяло болезнь²⁴. Те, кто всё еще был здоров, избегали бедняков, оставляя их на произвол судьбы. Благотворительные организации закрыли свои двери; духовенство не осмеливалось вмешаться.

Паника пришла не сразу. В первые недели после того, как «Гран Сент-Антуан» бросил якорь в городе, несмотря на смерть двух портовых грузчиков, чума никак не проявляла себя в городе. Но слухи о новой напасти распространились по всей Европе, и городские власти, а также Бюро здравоохранения, опасаясь тяжелых последствий эпидемии чумы для марсельской торговли, решили сделать вид, что ничего серьезного не происходит. В июле 1720 г. они отправили письма специалистам по здравоохранению в другие европейские порты, сообщив, что речь идет о «чумной горячке», и марсельские власти смогли сдержать ее. Это было далеко от правды, и передышка оказалась недолгой. Когда 21 июля от болезни умер пассажир корабля, находившийся в карантине в Ла Жольет, магистратам пришлось признать, что чума пришла в город. За два следующих дня умерло четырнадцать людей, живших на одной улице, а к середине августа болезнь распространилась по всему городу, без какой-либо видимой закономерности. Как и в предыдущие эпидемии, она распространялась сначала через укусы зараженных блох, а затем воздушно-капельным путем от человека к человеку. В данном случае ее распространение нельзя приписать крысам: первые упоминания о чёрных крысах в Марселе относятся к значительно более позднему отрезку XVIII столетия²⁵. Марсельская чума распространялась через контакты между людьми. Мало что можно было сделать для помощи заболевшим, госпитали переполнились больными и умирающими, а врачи, подобно остальным горожанам, боялись подходить к пораженным чумой.

²⁴ *Henderson J.* Florence under Siege. Surviving Plague in an Early Modern City. New Haven, 2019. P. 11.

²⁵ *Carrière Ch., Coudurié M., Rebuffat F.* Op. cit. P. 176-177.

Реакция властей

Ситуация в здравоохранении быстро вышла из-под контроля, и члены городской управы оказались вынуждены искать волонтеров для того, чтобы убирать мертвые тела с улиц города и хоронить их. Они считали, что городская элита должна проявить в этом деле солидарность, и плакат, вывешенный 3 сентября, призывал людей доброй воли – «ревностных людей, находящихся в городе, соблаговолить приехать верхом и оказать помощь в сборе и погребении трупов, лично присутствуя и отдавая приказы тем, кто будет выполнять эти функции»²⁶. На городских кладбищах недоставало могил, в Марселе было недостаточно могильщиков и недостаточно священников, чтобы удостоить всех мертвецов христианского погребения. Вскоре трупы начали сваливать в братские могилы и наскоро вырытые траншеи, засыпая их известью, чтобы ускорить процесс разложения и уберечь город от миазмов. Одно из этих массовых захоронений было исследовано научной экспедицией археологов и палеодемографов в конце 1990-х гг.: они откопали около двухсот скелетов, что позволило получить новую информацию о жертвах и о стремительном распространении болезни²⁷.

Городские власти оказались беспомощны перед лицом столь массовой гибели людей. Они попросили армию вмешаться и навести в городе порядок, а также решили привлечь каторжников из марсельских тюрем на самые опасные работы, в первую очередь на очистку улиц от мертвецов и на их захоронение в братских могилах вдали от городского жилья²⁸. Но трудности, с которыми столкнулся город, этим не исчерпывались. Пища и необходимые припасы находились на исходе, потому что окрестные города и деревни прекратили связь с Марселем, крестьяне боялись везти на рынок продукты, и всем жителям Прованса рекомендовалось сидеть по домам, избегая контактов с другими людьми. В скором времени проблема снабжения весьма обострилась, даже принимая во внимание то, как много марсельцев покинуло свой город. Из тех, кто остался, как здоровых, так и больных, большинство не имело работы и заработка, а потому снабжение города стало проблемой не только логистической, но и финансовой; городские власти

²⁶ Avis au public. 3 September 1720.

²⁷ Signoli M., Séguy I., Biraben J.-N., Dutour O., Belle P. Historical Demography in the Context of an Epidemic: Plague in Provence in the Eighteenth Century // Population (English Edition). 2002. № 57:6. P. 829–854.

²⁸ Devaux C.A. Op. cit.

оказались перед необходимостью централизованно приобретать и раздавать людям самое необходимое. Эта проблема усугублялась нехваткой в городе звонкой монеты, а в эпоху пандемии никто не хотел принимать бумажные деньги. К концу июля магистраты стали жаловаться на то, что не видят выхода из сложившейся ситуации: казна города истощена, а всеобщее оскудение привело к росту цен на пшеницу, говядину и дрова. По их словам, Марсель оказался перед новой угрозой – голодом. Им, безусловно, пришлось нелегко: трудно стало найти поставщиков, да еще надо было оплачивать товары, которые уже оказались не по карману отдельным жителям города. Но, возможно, городские власти преувеличивали свои трудности. Вероятно, Марселю действительно угрожал голод, и его граждане безусловно столкнулись с нехваткой важнейших товаров, но нет сведений о людях и в самом деле умерших от голода и лишений. Сам факт того, что магистраты подчеркивали, сколь высоки цены на хлеб и мясо, указывает, что проблемой для властей была скорее стоимость товаров, нежели их наличие: им нелегко было убедить мясников и торговцев зерном продавать свои товары по разумной цене. Люди недоедали, но не голодали²⁹.

Однако паника и угроза голода привели к новым проблемам. Напуганные и доведенные до отчаяния люди занялись грабежом и поджогами, поставив общественный порядок на грань абсолютного коллапса. 5 сентября вмешалось государство, введя в Марселе военное положение и дав марсельским властям полномочия навести порядок любой ценой. Так чрезвычайная медицинская ситуация переросла в общий хаос. Произошло то, что часто бывает, когда людьми овладевают страх и паника: марсельцы под влиянием ходивших по городу слухов и охватившей их паранойи были склонны преувеличивать угрожавшие им опасности и утратили всякое доверие к властям. Преодоление этой паники стало для французского правительства и для местных властей по всему Провансу важнейшей задачей кризисного управления. Они ввели строгие меры по пресечению перемещений людей и товаров из Марселя в окружающие города и деревни и стали насильственно отправлять в карантин всех, у кого обнаруживались симптомы чумы. Именно подобные меры позволили наконец взять эпидемию под контроль, и к 1722 г. Прованс избавился от чумы. С точки зрения одного историка, провансальская чума стала одним из самых

²⁹ Carrière Ch., Coudurié M., Rebuffat F. Op. cit. P. 264-69.

первых и ярчайших примеров строгой и централизованной реакции на бедствие, причем не только во Франции, но и в столицах зарождающихся национальных государств по всей Европе, энергично ответивших на исходившую из Франции угрозу инфекции³⁰.

Ужас чумных лет нашел отражение в работах живописцев и других художников, первое место из которых занимает Мишель Серр (1658-1733), уроженец Испании, специализировавшийся на барочной и религиозной живописи, а с 1720 г. изображавший впечатляющие сцены из истории Великой марсельской чумы³¹. Город стал ошеломляющим фоном для сцен смерти и отчаяния, с горами обнажённых тел по обочинам дорог и командами рабочих, связывающих трупы к месту захоронения. Гравюры того времени показывают Старый порт со стороны причалов. Некогда бывший шумным средоточием торговой жизни Марселя, этот порт теперь погружен в безмолвие, и на смену шумным крикам уличных торговцев пришла жуткая тишина. Не нарушая ее, люди собирают мертвые тела, которые пытаются опознать убитые горем родственники. Серр в полной мере использовал знаменитые пейзажи Марселя, изображая сцены отчаяния и траура перед ратушей, на бульваре Бельсюнс, или на набережной Турет. Он увековечил некоторые эпизоды чумы, в частности героизм шевалье Ла Роза, который возглавил отряд из 150 волонтеров и заключенных, очистивший бедный район эспланады Турет от 1200 разлагающихся трупов. Его картины весьма ярко отражают человеческое страдание, часто даже мучительно ярко – и благодаря этому ужас и отчаяние последней эпидемии чумы во Франции глубоко закрепились в памяти общества.

Некоторые сравнения

Самое впечатляющее сходство между эпидемиями прошлого и нынешней пандемией – в реакциях, которые они вызывали, как среди общества в целом, так и, в первую очередь, со стороны гражданских властей, в задачу которых входит оберегать здоровье населения. В 1720 г., как и в наше время, и общество, и власти прекрасно осознавали, что есть пределы тому, на что они могут пойти ради борьбы с инфекцией, и очень хорошо понимали, к каким ужасающим последствиям для экономики может привести локдаун.

³⁰ *Ermus C. The Plague of Provence: Early Advances in the Centralization of Crisis Management // Arcadia. 2015. № 9.*

³¹ *Homet M.-C. Michel Serre et la peinture baroque en Provence, 1678–1733. Aix-en-Provence, 1987.*

Но знали они и то, что единственный способ остановить распространение чумы – это изолировать людей друг от друга, даже от близких друзей и родственников, и поощрять самоизоляцию, даже если это означает закрытие магазинов и запрет на деловые операции. Стремясь спасти экономику и защитить репутацию Марселя за границей, власти города вначале попытались успокоить общество, преуменьшая масштаб бедствия и делая вид, что можно продолжать жить обычной жизнью. Когда же они потерпели неудачу, то попытались остановить распространение чумы единственным способом, который был в их распоряжении – закрыли город для людей извне и изолировали носителей чумы, пожертвовав теми, кто уже был болен, во имя спасения других. Компромиссного решения не было – не было серебряной пули, которая позволила бы защитить жизни и вместе с этим продолжить коммерческую деятельность.

Изгнание, карантин, локдаун: изменилось ли что-либо, в сущности, в современном мире? Конечно, своё влияние оказывает глобализация, и вездесущность средств массовой информации. Люди в меньшей степени полагаются на слухи и сплетни, поэтому что-либо скрывать становится всё труднее. А еще люди гораздо реже – по крайней мере во Франции и многих странах Западной Европы – склонны верить в Бога и надеяться, что их спасет какое-либо Божественное вмешательство. Они в большей степени склонны ждать спасения от специалистов, от науки и медицины. Но когда выясняется, что медицина бессильна, у правительств остается не так много возможных решений, чем и объясняется внешнее сходство нашего опыта с марсельским. В Марселе случился кошмар, который мог произойти в этом городе – и в любом другом городе – в любой момент, начиная со Средних веков, и к чему-то в этом роде мы по-прежнему удручающе плохо готовы. Слишком часто у министров и местных властей нет новых решений, и они слишком хорошо понимают, какой урон способны нанести объединенное действие чумы и народной паники. Они колеблются, не решаясь прибегнуть к решительным мерам, боясь их воздействия на рынки, находясь под давлением конфликтующих групп интересов, и в итоге приходят к решению, которое может быть только политическим. Уничтожить предприятия, лишить людей средств к жизни, чтобы искоренить пандемию? Создать для своего города, для своей страны невыгодное положение в конкурентной борьбе с соперниками и потенциальными противниками? Пожертвовать жизнями, чтобы сохранить

рабочие места, защитить богатство или будущее общества в целом? И консультироваться ли со своими политическими советниками и фокус-группами, чтобы понять, что будет приемлемо для общественного мнения (возможно, если этого не сделать, можно опасаться самых тяжелых последствий)? Мы все видели, как эти вопросы ставились в ходе нынешней пандемии, как разные правительства спекулировали возможными последствиями каждого принимаемого ими решения. Проблема в том, что любое решение наносит ущерб, и ни одно из них не является вполне безопасным. Дебаты прошлого года показались бы ужасающе знакомыми жителям Марселя 1720 г., когда к ним впервые пришло известие о чуме.

Перевел с английского языка А.Ю. Терещенко

REFERENCES

- Aubert M.* La médecine à Marseille au XIXe siècle // *Provence Historique* 43. 1993. Fascicule 172.
Avis au public. 3 September 1720.
- Barnes D.S.* The Making of a Social Disease: Tuberculosis in Nineteenth-century France. Berkeley, 1995.
- Benedict C.* Bubonic Plague in Nineteenth-century China. Stanford, CA, 1996.
- Butler T.* Plague history: Yersin's discovery of the causative bacterium in 1894 enabled, in the subsequent century, scientific progress in understanding the disease and the development of treatments and vaccines // *Clinical Microbiology and Infection*. 2014. N 20. P. 202-209.
- Carrière Ch., Coudurié M., Rebuffat F.* Marseille, ville morte. La peste de 1720. Marseille, 1968.
- Cohn Jr. S.K.* Cultures of Plague. Medieval Thinking at the End of the Renaissance. New York, 2010.
- Devaux C.A.* Small oversights that led to the Great Plague of Marseille (1720–1723): Lessons from the past // *Infection, Genetics and Evolution*. 2013. N 14. P. 169-185.
- Echenberg M.* Pestis Redux: The Initial Years of the Third Bubonic Plague Pandemic, 1894-1901 // *Journal of World History*. 2002. N 13:2. P. 429-449.
- Ermus C.* The Plague of Provence: Early Advances in the Centralization of Crisis Management // *Arcadia*. 2015. N 9.
- François É.* La mortalité ou la mort? // *Covid 19. Tour du monde* / Éd. par S. Kuriyama et al. Paris, 2021. P. 88-89.
- Frith J.* The History of Plague – Part 1. The Three Great Pandemics // *Journal of Military and Veterans' Health*. 2012. N 20:2. P. 1-16.

- Gouri M.* Hypothesis about the transmission of plague aboard the Grand Saint Antoine // *Plague: Epidemics and Societies.* // Ed. by M. Signoli, D. Chevé, P. Adalian, G. Boëtsch, O. Dutour. Florence, 2007. P. 163-173.
- Goury M.* Un homme, un navire : la peste de 1720. Marseille, 2013.
- Henderson J.* Florence under Siege. Surviving Plague in an Early Modern City. New Haven, 2019.
- Homet M.-C.* Michel Serre et la peinture baroque en Provence, 1678-1733. Aix-en-Provence, 1987.
- Honigsbaum M.* A History of the Great Influenza Pandemics. Death, Panic and Hysteria, 1830-1920. London, 2013.
- Kudlick C.J.* Cholera in Post-Revolutionary Paris. Berkeley, 1996.
- Margadant T.W.* Urban Rivalries in the French Revolution. Princeton NJ, 1992.
- Mohr J.C.* Plague and Fire: Battling Black Death and the 1900 Burning of Honolulu's Chinatown. New York, 2005.
- Panzac D.* La peste à Smyrne au XVIIIe siècle // *Annales : Economies, Sociétés, Civilisations.* 1973. N 28. P. 1071-1093.
- Pullan B.* Plague and Perceptions of the Poor in Early Modern Italy // *Epidemics and Ideas.* / Ed. by T. Ranger, P. Slack. Cambridge, 1992. P. 101-123.
- Relation historique de la Peste de Marseille en 1720. Cologne, 1721.
- Roper L.* When plague came to Wittenberg // *London Review of Books.* 2020. 6 July.
- Roser M., Ritchie H.* HIV / AIDS. <https://ourworldindata.org/hiv-aids>.
- Signoli M., Séguy I., Biraben J.-N., Dutour O., Belle P.* Historical Demography in the Context of an Epidemic: Plague in Provence in the Eighteenth Century // *Population (English Edition).* 2002. N 57:6. P. 829-854. The Sun. 2020. 24 January.
- What can History tell us about epidemics? // *History Today.* 2020. N 70:4.

Форрест Алан

доктор наук, почетный профессор
 Университет Йорка,
 YO10 5DD Йорк, Великобритания
 e-mail: alan.forrest@york.ac.uk

Forrest, Alan

Dr. Hab. (History), Emeritus Professor
 University of York
 York, YO10 5DD United Kingdom
 e-mail: alan.forrest@york.ac.uk
 ORCID: 0000-0002-2432-2819
 Scopus AuthorID: 39764577700